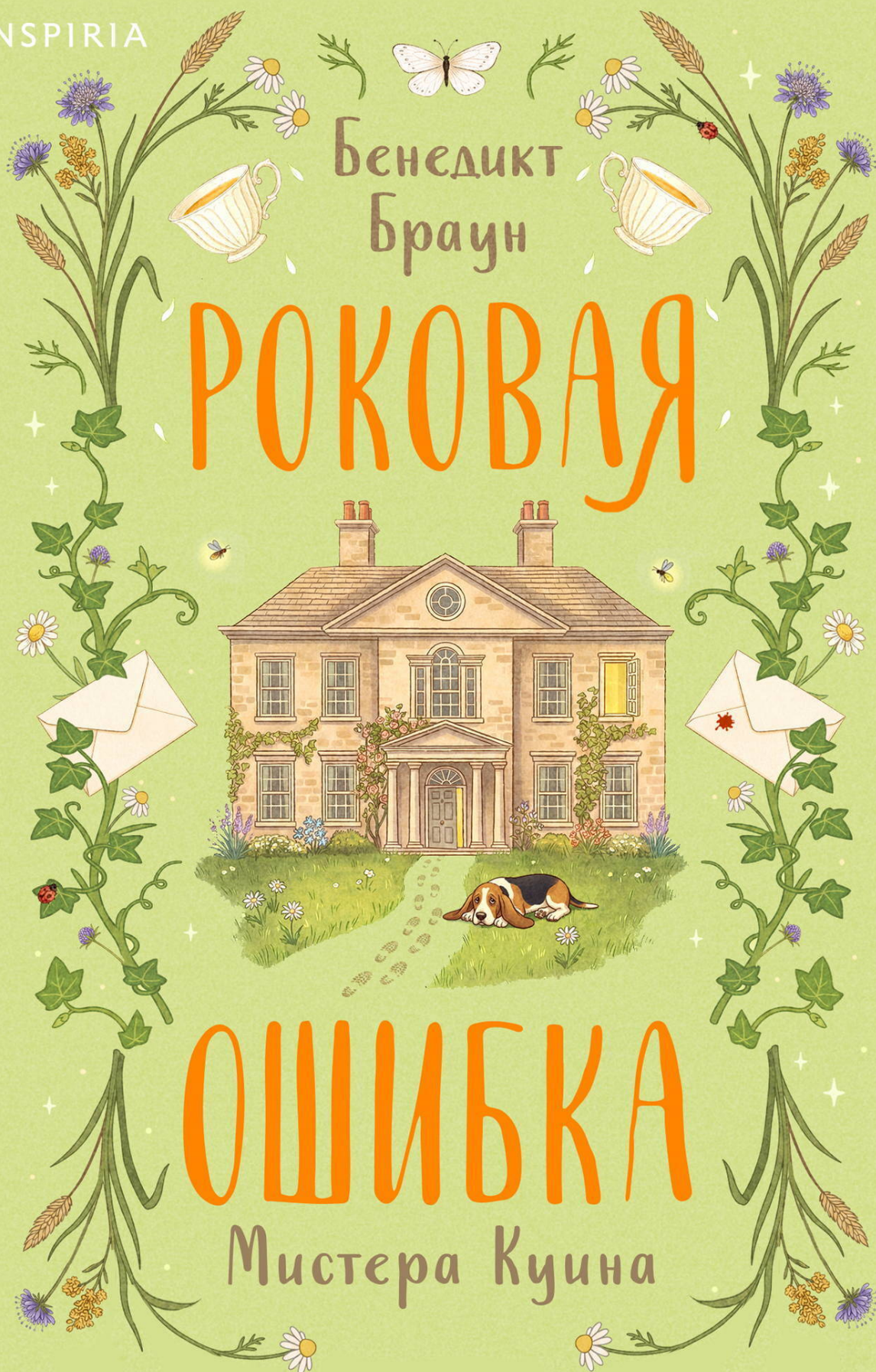

INSPIRIA

INSPIRIA

Ток. Мышеловка. В лучших традициях классики

Бенедикт Браун

Роковая ошибка мистера Куина

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Браун Б.

Роковая ошибка мистера Куина / Б. Браун — «Эксмо»,
2024 — (Ток. Мышеловка. В лучших традициях классики)

ISBN 978-5-04-248967-9

СОВЕРШЕННО ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ И ОСТРОУМНАЯ ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ, ПРЕКРАСНО ПОДХОДЯЩАЯ ДЛЯ УЮТНОГО ВЕЧЕРА. ПОГРУЗИТЕСЬ В АТМОСФЕРУ АНГЛИЙСКОЙ ДЕРЕВУШКИ, ГДЕ НЕЗАДАЧЛИВОМУ ПИСАТЕЛЮ ДЕТЕКТИВОВ ПРЕДСТОИТ РАСКРЫТЬ ТАЙНУ ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ И СПАСТИ ДРУЗЕЙ ОТ СМЕРТИ. ИДЕАЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ ДЛЯ ПОКЛОННИКОВ КЛАССИЧЕСКИХ АНГЛИЙСКИХ ДЕТЕКТИВОВ ДЖОНА ДИКСОНА КАРРА, ДЖОЗЕФИНЫ ТЭЙ, ПЕЛАМА ВУДХАУСА, АГАТЫ КРИСТИ И КНИГ ПИТЕРА БОЛАНДА И КРИСТЕН ПЕРРИН. Лондон. 1928 год. Спустя несколько месяцев после первого удачного дела писатель Мариус Куин получает тревожные вести от своей подруги леди Изабеллы. Их друзьям детства, кузенам Хитонам, начали приходить анонимные письма с угрозами, но местный констебль считает это не более чем розыгрышем. Поэтому Изабелла просит Мариуса приехать в их родную деревушку, куда он не возвращался много лет после таинственного исчезновения отца. И ему не остается ничего, кроме как согласиться. Загрузив всю свою семью и любимого пса Перси в машину, Мариус выдвигается в деревню. Вот только оказывается уже слишком поздно. На следующее утро он находит тело своего друга с ножом в сердце. Неужели кто-то из милых и слегка эксцентричных соседей действительно способен на убийство? И на какую старую тайну намекает преступник в письмах? У Мариуса и Беллы есть время до конца недели, чтобы найти убийцу, иначе тот истребит оставшихся в живых Хитонов.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-248967-9

© Браун Б., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Пролог	8
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Бенедикт Браун

Роковая ошибка мистера Куина

Benedict Brown

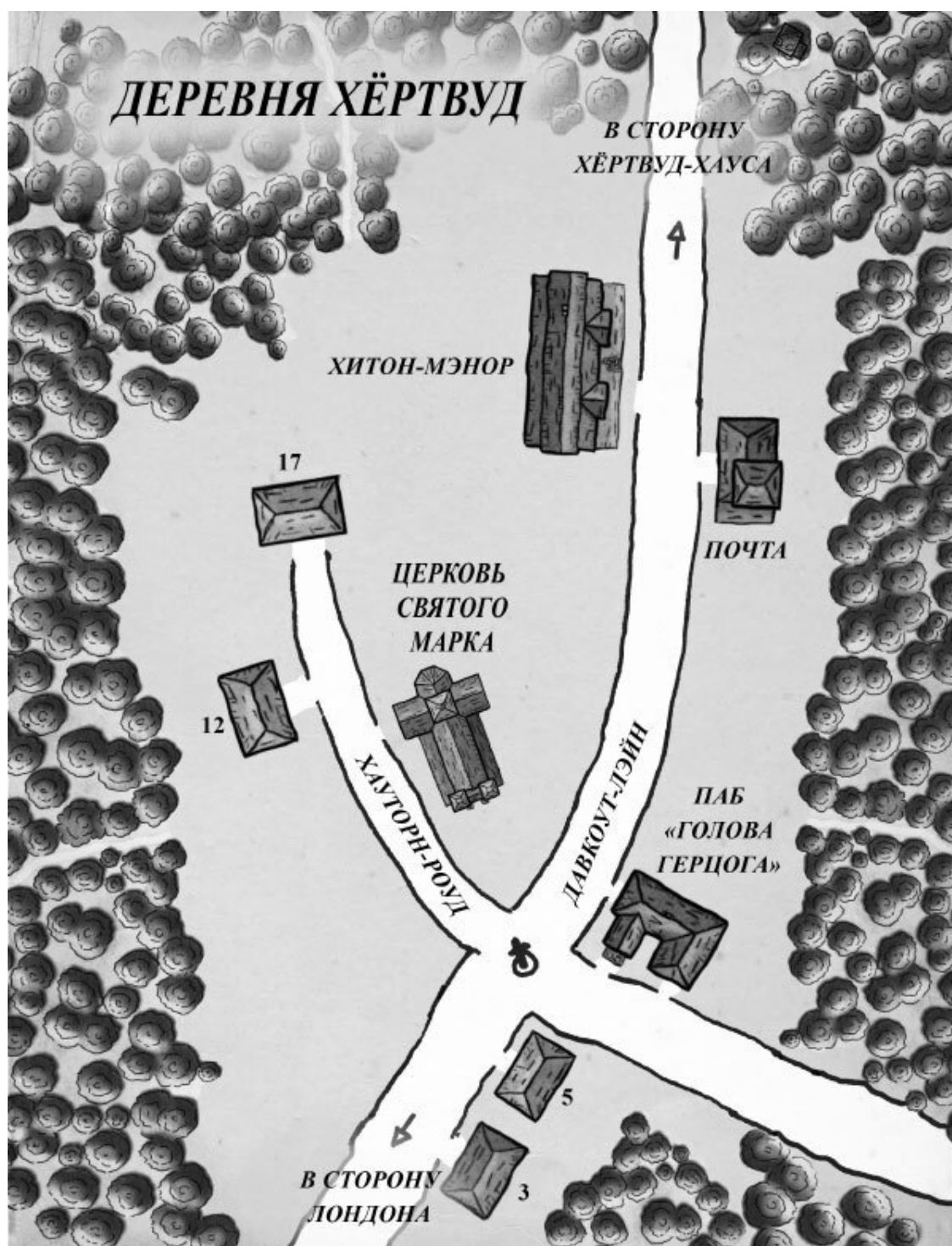
The Hurtwood Village Murders

© Пугачева А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Моей жене Марион и нашим необыкновенным детям, Амели и
Озиану. Ради вас я готов на любую тяжелую работу*

Пролог

Люсинда Хитон нравилась всем. Ее просто нельзя было не любить. Она была не просто яркой, красивой и очаровательной, ее соседи по живописной деревне Хёртвуд часто замечали, что она словно вся светилась изнутри.

Люсинда блистала – да, вот подходящее слово. Она входила в комнату, и еще до того, как заговорить, приковывала к себе все взгляды. А уж когда она говорила, то блистала в тысячу раз ярче. Кто-то даже не раз шутил, что если б во время войны¹ с постеров призыва улыбалась Люсинда, строй британской армии очень быстро наполнился бы новобранцами.

Она на добровольной основе работала в деревенской школе, славилась своим талантом в бальных танцах, прелестно пела, словно актриса театра Вэст-Энда², и в целой деревне не было сада прекраснее, чем у нее. А сколько призов она получала на летней ярмарке! Стоит ли говорить, что кабачки у нее были крупные, сливовое варенье – сладкое, а подсолнухи – просто загляденье.

Когда прибыло письмо, она полола траву – за этим занятием застать ее можно нередко. Соседи, даже спеша по делам холодным весенним днем, останавливались у ее садика и любовались. Небо будто становилось чуть ярче, когда она выходила на улицу, и ушедший автобус или выговор от начальника за опоздание не омрачили бы денек, в котором Люсинда подарила тебе свою красивую улыбку.

Почтальон сам был, если можно так сказать, почитателем красоты Люсинды и тем утром был счастлив обнаружить, что ему выдался шанс доставить ей письмо. Он подошел к ее дому и вложил в аккуратную (хоть и испачканную в земле) ручку письмо, за что получил короткое «Спасибо, Нэд» за утруждение.

– Не за что! Мне только в радость, – пробубнил он в ответ и продолжил свой путь летящей походкой. А Люсинда уже аккуратно открывала письмо.

Соседи не преувеличивали, говоря, что Люсинда – само очарование, а оттого две короткие строчки на белом листе бумаги пугали своей внезапностью:

НЕ ПРОЙДЕТ И НЕДЕЛИ,
КАК ТЫ УМРЕШЬ.

Люсинда нравилась всем... Ну, видимо, почти всем.

¹ Действие в книге происходит после Первой мировой войны. – *Прим. ред.*

² Вэст-Энд – район Лондона, западная часть его центра, где находится большая часть театральных и концертных залов. Лондонский «Бродвей». – *Здесь и далее прим. пер.*

Глава 1

Англия, март 1928

Я редко видел своего издателя настолько довольным. Берtrand Прайс-Льюис будто весь светился – от кончиков своих черных кожаных брогов до лысеющего темечка. Удивительное было зрелище.

– Как я тобой горжусь, мой мальчик. – Мы шли по улице около офиса в Блумсбери, и он положил ладонь на мое плечо. – Давно я не читал таких хороших детективов, как твоя последняя книга, а ты знаешь, я такими словами не разбрасываюсь.

Я к тому моменту уже, по-моему, весь краснел, но смог бы принять комплимент с достоинством, если бы на входе в здание к нам не вклинился не самый мой любимый из людей.

– Ты так всем своим авторам говоришь, Берти, – заявил огромный, нависающий над нами силуэт. Мой коллега – автор детективов Кармайн Фортескью. Скучнейшая личность. Его чрезвычайно популярные книги были просто ужасны, а сам он по неведомой для меня причине всегда пах вареной свининой.

– Кармайн-Кармайн, – у нашего издателя язык был подвешен, так что извиняться он не стал, – вы же знаете, я люблю все книги, которые выпускаю.

Конкурент повернулся ко мне:

– Рад вас видеть, Мариус. С вашей прошлой книги столько времени прошло, я уж подумал, вы больше ни одной не допишете. Чем же вы занимались? Путешествовали по миру? Писали концерт для фортепиано? Судорожно искали идеи?

Я хотел было съязвить, но стоило открыть рот, все ответы улетучились. Не первый раз я теряюсь в разговоре с этим индивидуумом. Лишь у Кармайна Фортескью так талантливо выходит лишать меня дара речи.

Выиграв очередную битву, он цинично хохотнул и с довольным видом устремился в офис издательского дома «Прайс-Льюис и Эстер».

– Не обращай на него внимания, мой мальчик, – Берти заговорил тише, чтобы услышать мог только я. – Ему в лицо я такого не скажу, но какой же он бестактный зазнайка. Я работаю с ним только потому, что его книги приносят издательству кучу денег. – Легче мне от этих слов не стало. – Сегодня твой день. Ты должен собой гордиться.

– Да? С чего бы? – Из-за моей спины раздался нежный голос, я повернулся и увидел лучик солнца среди мрачного дня.

В тот день меня на обед пригласила подруга детства – леди Изабелла Монтегю. Дела мои шли гораздо лучше, чем в прошлую нашу встречу на этом месте. В этот раз я хотя бы не лежал на земле³.

– Белла, ты же знакома с моим издателем, Берtrandом Прайс-Льюисом? – сказал я вежливости ради, прежде чем ответить на ее вопрос. – Мы просто оба радуемся, что я смог закончить еще одну книгу.

Берти сделал шаг навстречу Белле и взял ее руку в свою. Берти, пусть и был низким, полным мужчиной за шестьдесят, пусть голова его и лысела пучками, а щеки пусть и были ярко-красными, умудрялся талантливее обходиться с женщинами, чем я в свои двадцать восемь:

– Леди Изабелла, какое счастье наконец-то с вами познакомиться! И сразу хочу сказать, что я в вашем друге не сомневался ни секунды. С вашей помощью нам удалось провести его

³ В первой книге про Мариуса Куина, «Снежная ловушка мистера Куина», герой встретился с Изабеллой, именно лежа на земле.

сквозь кризис уверенности в себе, и теперь его следующую книгу, без сомнения, ждет невероятный успех!

– Очень приятно познакомиться лично! – ответила Белла. Они ни разу не разговаривали друг с другом, но это не мешало каждому из них технично влезать в мою жизнь.

Берти тепло смотрел в глаза моей подруге, принося извинения:

– Все же вынужден оставить вас наедине, молодые люди. – Он уже шагнул спиной вперед, спеша на встречу со следующим своим подопечным. – Мариус, мы еще с вами скоро встретимся и обсудим книгу номер три.

Я бы хотел описать вам его выражение лица в тот момент, но был слишком увлечен стоящей рядом девушкой – моей первой любовью. Меня мало волновало, что у нее имелся другой кавалер. Тогда я был просто счастлив, что после стольких лет разлуки она вернулась в мою жизнь.

– Я надеюсь, ты проголодался, – сказала она, подхватывая меня под руку, чтобы повести в сторону красивого здания красного кирпича через дорогу. – Кормят в «Расселе» просто богоподобно, а столовая там какая...

Мне же было интересно, с чего это она вдруг позвала меня на обед.

– Я постараюсь съесть все до последней крошки, – ответил я, спеша за ней по тротуару ко входу.

С входной композиции на арке перед отелем на меня с откровенной неприязнью посмотрел резной каменный лев. А вот единорог сбоку от него выглядел скорее удивленным и явно завидовал, что мою руку украшала такая спутница. Швейцар провел нас в красивый вестибюль, украшенный мраморными колоннами, мавританскими потолками и полами с зодиакальной мозаикой. Гонорар за первую книгу – и аванс за вторую – я потратил на аккуратную квартирку в модной части Лондона. Но отель «Рассел» – это мир роскоши, которая была мне доступна лишь во сне. Оставалось надеяться, что разбудят меня еще нескоро.

Когда мы вошли, метрдотель ничего у нас не спросил, молча забрал верхнюю одежду и повел изящную молодую особу с ее невзрачным другом к столу под огромной хрустальной люстрой. Светло-фиолетовая накидка на Белле прятала под собой коралловое шелковое платье, которое просто неопишимо ей шло. Мне оставалось только сокрушаться, что я не надел что-нибудь понаряднее старого синего костюма, который когда-то принадлежал отцу.

– Узнаешь эту комнату? – игриво спросила она, осматривая окружающую нас роскошь.

– Я бы не сказал, что увлекаюсь журналами про отели, дорогая. – Жаль, что сказанное нельзя стереть столь же просто, сколь строчки моих романов. «Дорогая» прозвучало как-то неправильно, я тут же пожалел, что ляпнул.

– Но история тебе нравится, правильно я помню? – Она откинулась на спинку стула и вытянула руки в стороны, словно ей принадлежал весь ресторан. – Этот ресторан был спроектирован архитектором столовой на «Титанике».

«Какой хороший знак», – подумал я, но сказал:

– Здорово!

– Папа приводил меня сюда, когда мы приезжали в Лондон в театр.

На это я ответил кратко и с едкой улыбкой:

– Какое совпадение. Мой папа водил меня в паб «Георг», где мы ели сэндвичи каждый раз, когда приезжали посмотреть, как «Доркинг» проигрывает всем остальным командам в Суррее.

– Какой же ты шутник, Мариус. – Она с минуту изучала мое лицо, будто пыталась понять человека, который влетел в ее жизнь спустя десять лет без единой весточки. – И всегда таким был.

Она прокрутила между пальцами ножку пустого бокала. Этот жест словно тут же призвал к нам резвого официанта с винной картой и двумя меню. Быстро их обсудив, мы заказали напитки, и Белла вернулась к нашему разговору.

– Я тебя позвала сюда... – начала она, а затем вдруг замолчала на полуслове.

– Так? – Я грубовато подтолкнул ее продолжать, но хотя бы удержался и не закончил предложение за нее. Мне хотелось, чтобы она сказала: *«Потому что ушла от своего неотесанного ухажера, который совершенно мне не подходил, и решила отпраздновать это»*.

– Я позвала тебя сюда, Мариус, потому что... О, а вот и он!

Она перебила сама себя, потому что в ресторан ввалился тот самый мерзкий ухажер в его привычной раздражающей манере. Я с таким нетерпением ждал этого роскошного обеда в роскошном ресторане со своей роскошной подругой. Но появился Гилберт Бэйнс.

Глава 2

Белла была очень рада его видеть, кто знает почему. Гилберт – одетый в скучный коричневый пиджак и галстук в тон, обладал социальными навыками, сходными по качеству с социальными навыками электрического угля.

– Куин, – это все приветствие, которого я был удостоен, и он опустил напротив меня, тут же доставая несколько папок из дипломата.

– Какая приятная встреча, Гилли, приятель. – Это я сказал не от всего сердца.

– Если вы собрались заниматься этой всей свистопляской, – начал он, водя глазами по бумагам на столе, – тогда давайте все делать тщательно. Название выбрали?

Я вообще не мог понять, о чем он трещит, и попытался передать свою растерянность пустым выражением лица. Гилберт, видимо, талантливым переводчиком с языка тела не был, так что пришлось выразить свои эмоции словами:

– Я без понятия, о чем ты сейчас говоришь. Возможно ли, что ты все-таки сошел с ума? – Казалось, я смог выразиться тактично.

– Это я виновата, что ничего не успела тебе объяснить, – поспешила на помощь Белла. – Гилберт пришел обсудить наше детективное начинание. Он считает, что нам нужно открыть предприятие и все разложить по полочкам до того, как мы приступим.

– Я думал, что все наши расследования будут любительскими.

Гилберт пропыхтел в ответ:

– Никто и не ждет, что вы станете Шерлоком Холмсом и доктором Ватсоном. Просто нужно четко обозначить ваши роли и все записать. Особенно перед вашим первым настоящим делом.

Я потерял дар речи. Совсем забыл, как формулировать слова. Нет, когда к столу снова подошел официант, я смог заказать стейк «Шатобриан» с беарнским соусом, но, закончив, молча уставился на бедовую парочку напротив.

– Ах, да! – Белла наконец-то отреагировала на происходящее. – Это я тоже не успела рассказать. Видишь ли, нам, возможно, предстоит разгадать еще одну загадку. – Она одарила меня своей ангельской улыбкой, и мне стало сложно злиться на всю эту засаду. Белла почти не связывалась со мной с самого Рождества, когда мы оба расследовали убийство ее друга, известного актера. Тогда нас обоих увлекла перспектива гоняться за преступниками и искать приключения, но с тех пор я был слишком увлечен своим романом и не вспоминал про этот план.

– Ну и? – как можно шире намекнул Гилберт, а когда я пожал плечами, продолжил: – Как вы назовете свое дело?

Уже через секунду официант в безупречном жилете подал нам по бокалу савеньера. Я ухватился за возможность сделать глоток приятного крепкого вина и проигнорировать его вопрос.

– И что нас ждет на этот раз, Белла? Убили какого-то старого лорда? Служба столичной полиции все головы себе уже сломала?

Судя по блеску в глазах Беллы, ее такие перспективы чрезвычайно радовали.

– Ничего такого, но дело интригующее. Люсинда... Ты помнишь Люсинду Хитон?

– Конечно! – Это имя я не слышал вот уж лет десять, но Люсинду забыть невозможно. – У нее проблемы?

– Да! До меня дошли деревенские слухи, так что я решила позвонить ей и все разузнать. Вчера утром у себя дома в Хёртвуде она получила письмо с угрозой.

Это меня напугало. Хотя перед лицом опасностей и трупов я не трусил. Я больше года провел на передовой во Франции и видел столько, сколько не каждый полицейский успевает

насмотреться. Меня скорее напрягло, что такие неприятные происшествия сотрясают мою родную деревню.

– Что было в письме?

– Да что обычно пишут в таких письмах? – категорично отрезала она. – Обещают скоростижную смерть. Синди покажет нам письмо, как только мы приедем.

– Ясно. – На меня обрушилась жестокая реальность происходящего, и она мне не нравилась. – Придется ехать в Хёртвуд.

Гилберт слушал нас со своим всегдашним безразличием на лице.

– Да там все не так плохо. Даже живописно.

– Знаю, Гилберт, спасибо. Меня смущает не ландшафт, а воспоминания. Я не возвращался туда с самого отъезда на войну. Там столько людей, с кем я все это время не общался, – наши друзья по школе, например. Да и враги у меня там есть. Не знаю даже, как меня примут.

– Я уверена, что Люсинда будет счастлива тебя увидеть, – поддразнила меня Белла, уголки ее губ чуть заострились. – Помнишь, как она тебя обожала, когда мы были детьми?

Гилберта эта перспектива радовала сильно больше, чем меня.

– Она была твоей воздыхательницей? Может, тогда вы сможете снова разжечь огонь молодой любви. В твоём возрасте не пристало оставаться одному.

– А я и не один, спасибо, Гилберт. Я живу с мамой, тетей и дядей. – В голове это был повод для гордости, но как только эти слова услышал мир, мне захотелось выкопать себе яму и провести остаток жизни под землей. Хорошо, что собакой не успел похвастаться.

Белла посмеялась надо мной.

– Ты еще не слышал самое интересное.

– Неужели? – Голос сам стал на долю выше, как и левая бровь.

– Не только Люсинда получила такое письмо. Ее двоюродная сестра Тилли – тоже.

Взгляд сам заскользил по ресторану, пока я пытался понять, что только что услышал. Едва ли я успевал рассматривать декор или других гостей, но приятная суэта вокруг не давала мне окончательно провалиться в неприятные мысли.

– Я могу представить, что ее двоюродные брат или сестра кого-то настолько могли расстроить. Джеймс и Тилли всегда были бедовыми, но не Люсинда.

– Люсинда нравится всем, – отстраненным тоном заявила Белла. Это утверждение мы слышали с детских лет. Даже будучи частью не самого любимого семейства Хитон, Люсинда для всех оставалась дражайшей соседкой.

Я вдруг вспомнил сплетню, которую мне рассказывала мама.

– А что ее жених об этом всем думает? Насколько я помню, летом она должна выйти замуж за Ричарда Фэрбенкса.

Белла наклонилась ко мне и почти восторженно прошептала:

– Она недавно разорвала помолвку. Я еще не выяснила почему.

– Ну, меня эти люди не интересуют, – грубо заявил Гилберт. – Меня интересует лишь имя, которым вы озаглавите свое предприятие на бумаге.

– Это никакое не предприятие, дорогой, – поправила его Белла. – Просто забава, увлечение. Наши расследования должны стать увлекательным приключением на дороге к скучной взрослой жизни. Потом буду рассказывать об этих загадках нашим детям перед сном.

Белла легко загоралась новыми идеями. Когда мы были детьми, то регулярно придумывали гениальные планы. Если эта ее идея и правда воплотится в жизнь, то станет первой осуществленной.

Гилберт не был падок на забавы и развлечения.

– Не предприятие, так не предприятие, называй как хочешь. Я же все равно озабочусь необходимыми бумагами, чтобы защитить твои интересы. – Я сомневался, что его волновали

и мои интересы, но вот идеями для названий Гилберт все же поделился: – Как вам «Приключения»? Или «Мариус и компания»?

– «*Мариус и компания*»? – тут же вспыхнула Белла. Мне нравилось смотреть, как она словесно наподдает своему ослу-парню. – А с чего это мы назовем компанию в его честь, если идея была моя?

Гилберт положил ладонь на ее руку и нежно заговорил:

– Я же забочусь о тебе, моя милая. – Как бы я ни ненавидел этого человека, для Изабеллы у него и правда была добрая сторона. – Если что-то пойдет не так, пусть вся вина будет на Мариусе.

Чтобы спасти ее от ответа на это, я сам прыгнул на свою защиту:

– Как мило, приятель! Ты гораздо заботливее, чем кажешься.

Он явно не считал иронии в моем голосе, потому что благодарно кивнул и вернулся к основному обсуждению:

– «Мариус и компания»! Так тому и быть. – Он вписал имя в пару строк на своих бумагах и передал их мне на подписание. В этот момент принесли наши заказы.

– Знаешь, Гилли... – начал я с издевкой, помещая документы в свой дипломат, чтобы прочесть на досуге. – А мне кажется, хорошая это идея. Стоит все записать на бумагу, и будущее простирается яснее. Сколько интересного ждет нас с Беллой, если мы отроем свое детективное агентство! Жаль, что ты застрял в своем банке и не сможешь к нам присоединиться!

Он уже не был столь доволен своей идеей.

– Хотя, может, я поторопился с официальными деталями. Дай-ка мне...

– Нет-нет-нет, идея чудесная! – Я повернулся к нашей спутнице, пока он не начал возражать: – Думаешь, кто-то и правда планирует убить Люсинду и Тилли?

Белла сделала глоток вина.

– Это возможно. Но какие бы цели ни преследовал автор письма, нам это дело прекрасно подходит.

– В полицию обращались?

– Сержант Росситер уведомлен, но ты же его знаешь. Он сказал Тилли что-то вроде: «Пока никого не убили, она просто тратит его время».

– А ты как узнала про эти письма?

Белла заказала лосося и, прежде чем ответить, насладились щедрым кусочком:

– Сосед Люсинды Джеб Пэйтон шел мимо ее дома, когда она получила письмо, а на Джеба позже наткнулась я. Он сказал, что тут же подумал о нас.

– Почему?

Мои вопросы, очевидно, начали ее утомлять, потому что она отложила вилку и вздохнула:

– Потому что он слышал о нашем сенсационном детективном триумфе в Эверхэм-холле. Мы обставили полицию, если помнишь. В Хёртвуде с тех пор только нас и обсуждают.

Я сомневался, что люди и правда были настолько впечатлены нашим подвигом, но Белле я об этом не сказал.

– И вообще, – добавила она, – это же деревня. Секретов в Хёртвуде не бывает, сам знаешь.

Я прикусил язык. Не в целях промолчать. Просто промахнулся мимо куска мяса на вилке и прикусил язык буквально.

– Я позвоню инспектору Лавбруку из Скотленд-Ярда и спрошу, что он думает.

– Прекрасная мысль. Завтра утром первым делом встретимся у Люсинды. Ты можешь остановиться в Хёртвуд-хаусе, если так будет проще.

Я не винил Беллу за интерес к происходящему в нашей деревне. Она почти не выходила из расположенного недалеко от Хёртвуда поместья, где заботилась о больном отце. Ей на

пользу пойдет любой предлог ненадолго сбежать – даже если этот предлог связан с несколькими потенциальными трупами и убийцей.

Мы ели, пили, и я рассказал им про новую книгу все, что мог позволить себе рассказать, не раскрывая сюжета. Белла по доброте душевной охала и ахала в нужные моменты, а я затем в ответ посмеялся над ее историями про незаурядных жителей нашей родной деревни. Я снова почувствовал себя подростком, который проводил каждый летний день, болтая с ней без умолку на самые разные темы. Даже регулярное цоканье и вредные комментарии Гилберта не испортили создавшуюся атмосферу.

– Поднимем бокалы, – наконец объявила Белла. – За «Мариуса и компанию»!

– Пусть их плавание будет долгим и безоблачным! – Я поднял бокал. Кавалер Беллы этого делать не стал, пока она, как мне показалось, не наступила ему на ногу.

Мы допили вино, и, когда закончилась еда, мне стало грустно.

– Сегодня угощаю я, – сказал им я. Хотелось сделать вид, что я хоть что-то из себя представляю, хотя сам еле умудрялся платить за крышу над головой. – Нечасто мне удается потчевать одну из великих Монтегю.

– Дурачок такой! Была рада тебя снова увидеть. – Белла встала, у нее было совершенно довольное выражение лица. Она дружелюбно положила руку на мой рукав, а затем Гилберт вывел ее из ресторана на улицу. Смотря им в спины, я одновременно чувствовал себя и на седьмом небе, и на самом дне.

По какой-то совершенно неясной причине Белла любила своего Мистера Банкира Бэйнса, и у таких тормозов, как я, надежды не осталось. У меня уже был шанс сделать ей предложение, когда она еще не знала Гилберта. Но видеть ее рядом с ним все равно лучше, чем не видеть ее вовсе. Наша разлука была танталовой мукой.

– Желаете заказать что-то еще? – Румяный официант посмотрел на меня сверху вниз через пенсне. Казалось, теперь, когда мой «паспорт» в эту роскошную реальность покинул ресторан, я перестал быть для него желанным гостем.

– Счет, пожалуйста, – ответил я, и официант одарил меня необычайно высокомерным кивком. Он почти ушел, когда я снова заговорил: – Заплатит мой издатель. У Бертранда Прайса-Льюиса есть здесь счет?

– Да, конечно, сэр. – Официант, казалось, готовился начать спорить, но я его опередил: – Я один из его лучших писателей. Запишите, что обедал Кармайн Фортескью.

Я выпорхнул из ресторана, прежде чем официант успел обсудить с коллегами, что я не похож на толстого хвастуна, с которым, к сожалению, издаюсь в одной редакции. Словно солдат, сбегающий из вражеского лагеря, я прошел через вестибюль, роскошные двери, а затем вдохнул свежий (ну, относительно) лондонский воздух.

Тогда-то я и вспомнил, что есть еще одна причина, по которой я так долго избегал родную деревню. И вряд ли мне стоило возвращаться.

Глава 3

Не только Беллу привело в восторг мое возвращение в Хёртвуд спустя десять лет. Когда я вернулся в квартиру на Сент-Джеймс-сквер и сообщил новости, мама, тетя и дядя невероятно оживились.

– Я всегда говорила, что ты по глупости упрямисься, – по-доброму заверила меня мама, когда я рассказал им наш план. – Нет там никаких призраков.

– Уверена, матушка? – Я резал для дяди пастернак на кухне. Он и сам был настоящим шефом – в том смысле, что прекрасно умел делегировать муторные задачи другим.

– Послушай-ка меня. – Пекарь в отставке с пышной бородой размахивал ножом, пока говорил, но, казалось, совершенно не собирался использовать его по назначению и резать морковку. – В Хёртвуде пропал много лет назад в первую очередь мой брат. Ты, может быть, и приходишься ему сыном, но я его знал гораздо дольше.

Ах, да. Обожаю, когда мне напоминают, что мой отец исчез с лица земли, пока я защищал Британию на континенте. Десять лет назад всеми любимый, дружелюбный поверенный Хёртвуда утром вышел из дома за газетой, и с тех пор его никто не видел. Исчезновение отца – это главная причина моего нежелания возвращаться в дом детства.

– Стэн, это не соревнование. – Тетушка Элли сидела в своем кресле-каталке и счищала землю с больших картофелин. Когда дядя переставал работать, она тыкала его палкой с щупом на конце. – Мы все очень любили Теренса. Он был замечательным человеком, и произошедшее сказалось на всех нас.

Наш пес Перси завыл в подтверждение ее слов, хотя когда отец пропал, он еще не родился. Перси устремил свои огромные, грустные глаза на меня, но не получил желанного сочувствия.

– Я хотела сказать, – продолжила мама, – что нет в Хёртвуде ничего такого страшного. Мы были там счастливы. А дом – это просто дом.

Я был с ней согласен, но самую очевидную правду бывает очень сложно принять.

– Выбора у меня все равно нет, – вздохнул я, перечеркивая решительность своих слов. – Я уже согласился, а передумать и разочаровать Беллу не могу.

Я рассчитывал, что родственники выдадут на эти слова яркую реакцию. Они не очень-то поддерживали мою дружбу с первой любовью, которая если и не помолвлена пока с другим мужчиной, то состоит в серьезных отношениях. Но вместо мудрых слов и предупреждений я услышал только тишину. Они налепили улыбки на лица – все, кроме Перси, конечно. Наш бассет-хаунд всегда выглядел только удрученным.

– Ну что?

– Ничего, Мариус, – ответила мама, но сдержаться не смогла, и ей пришлось, чтобы не рассмеяться, посмотреть на золовку.

Я повернулся к тете – она всегда была самой разумной из этой троицы.

– Тетя Элли, скажите, что вас так насмешило?

Она предсказуемо повернулась к мужу, а тот отреагировал уверенным смешком.

– Ни о чем не волнуйся, мой мальчик. Мы просто считаем, что важно не бояться собственного прошлого. Здорово, что ты наконец-то съездишь домой.

Его выдал голос.

– Вы хотели бы поехать со мной?

Пенсионеры-заговорщики переглянулись, и я понял, что не ошибся.

– Если ты не против, – быстро ответила мама. – Было бы здорово снова увидеть деревню, да и дом мы зря так надолго оставили без присмотра.

– Верно-верно. – Дядя Стэн не пытался скрыть, насколько он доволен. – Мы все время будем прибираться в доме и даже не попадемся тебе на глаза.

– Может, мы навязываемся? – Элль обратилась к остальным. – Он будет так занят, а там всего две спальни.

Пока они не успели разочароваться, а Перси завить, я решил прекратить их мучения.

– Конечно, вы можете поехать со мной. С вашей поддержкой будет проще. Да и Белла сказала, что я могу остановиться у нее, если понадобится.

Стэн хлопнул в ладоши, будто мир снова вернулся на пути своя.

– Мы тебе мешать не будем, мой мальчик, честное слово. А теперь расскажи мне о письмах. Звучит как-то очень страшно. Ты знаком с девушками, которые получили угрозы?

Этот вопрос заставил меня задуматься не только о Люсинде, но и о ее двоюродных сестре и брате, а также всех ровесниках, которых я знал в Хёртвуде.

– И неплохо, – ответил я полуправду. – Мы ходили в одну школу. Джеймс Хитон долго был моим лучшим другом, а Люсинда и Тилли хорошо общались с Беллой, хотя она, конечно, дочь герцога, а они...

Я замолчал, потому что упоминать о дурной репутации семьи Хитон было бы бесчестно с моей стороны. Видимо, с этой мыслью я ушел глубоко в себя, потому что вдруг почувствовал щуп палки тети Элль на локте и вернулся к нарезке пастернака.

Стэн не был образцовым хозяйственным мужчиной, но жаркое он приготовить всегда умел. И этот ужин был прямо тем, что нужно, чтобы подготовиться... ко всему, что ждало меня впереди. Когда с едой было покончено и я свылся с мыслью, что еще одна порция яблочного пирога в меня не влезет, в мою комнату вошла мама.

Сначала она молчала. Просто стояла в дверном проходе, наблюдая, как я делаю заметки по третьему роману, который лишь начал зарождаться в моей голове.

– Я знаю, что тебе тяжело возвращаться домой, Мариус, – сказала она, когда я наконец встал с ней поговорить. – Но бояться и правда нечего.

– Мариус Куин? Бояться? Абсурд! – Я, меля полную чушь, обнял свою дражайшую матушку. – Я прошел войну и написал как минимум один успешный роман. Мне почти оторвало ногу, а я это пережил и готов рассказать потомкам. Очень сомневаюсь, что крошечная деревня в Суррее может меня сломать, даже если там завелся сумасшедший и угрожает молодым женщинам.

Она одарила своего глупого сына улыбкой.

– Я уверена, что вы разгадаете, кто стоит за этой пакостью, но ты нервничаешь, и это нормально.

Мама еще никогда не заговаривала об исчезновении отца напрямую. В последний раз она произносила его имя много лет назад, и даже сейчас, в канун нашего возвращения домой, могла говорить о нем только обтекаемыми словами.

– Моя чудесная матушка. – Я вздохнул и опустил щеку на ее макушку. Она была крошечной женщиной и прекрасно подходила под это росто. – Я ценю твое понимание, правда, но у меня все будет хорошо.

Мне хотелось обхватить ее за плечи, заглянуть в мудрые глаза и спросить, стало ли за последние десять лет исчезновение отца хоть чуть-чуть понятнее для нее. Я хотел, чтобы она разгадала загадку, которая мне не давалась, но при каждой попытке подступиться к этой теме слова отказывались выходить.

– Ну а ты как? – спросил я. – Ты сама готова к этой поездке?

Она подняла голову, чтобы заглянуть в мое лицо.

– У меня все будет хорошо, родной. Как и всегда.

Мы оба пытались найти способ хоть как-то повысить себе настроение, и, казалось, мамыные седые кудряшки завились от стараний еще плотнее. Жизнь проходит гораздо легче,

когда притворяешься, что все хорошо. Я неделями могу ходить счастливым и не вспоминать про отца или про погибших на войне друзей. Все просто отлично и замечательно, когда я представляю, что смогу выплатить ипотеку и что Гилберта Бэйнса не существует.

Если в тот вечер в маме и поселилась какая-то грусть, на следующий день, когда мы начали загружать машины, вся меланхолия испарилась. Матушка даже подпевала любимую дядину песенку:

Заберите меня с мрачных улиц,
Заберите из пелены, пелены, пелены,
Заберите из джунглей в кирпиче,
Заберите хоть по земле, хоть по воде.

Нам пришлось поднять тетю Элль, чтобы уместить ее в старый пекарский грузовик Стэна, и я так пыхтел, что не смог подпевать. Стэн же наслаждался каждой минутой сборов. Мама, казалось, задумалась, не сбегать ли обратно в квартиру за аккордеоном.

Заберите меня от машин и такси,
Я наконец отдохну.
Заберите в Африку, в Тимбукту, поверь, я всюду пойду.
Заберите, прошу я, прошу.

Троица разразилась диким хохотом, отчего чуть спугнула стайку пышногровых парней, которые заходили в клуб «Ист-Индия» по соседству.

– Мы прекрасно сегодня распелись, – сказал Стэн маме, хотя жена его, казалось, была с этим утверждением не согласна.

– Жаль, что нам ехать всего пару часов. Я бы целыми днями слушала, как вы поете. – Уверен, что это был сарказм.

Я впихнул ее кресло в багажник и пошел к моей блестящей новенькой «Инвикте». Мама уже расположилась на пассажирском сиденье, Перси устроился на ее коленках. Пес был невероятно счастлив, что его взяли в поездку, и лизал мамино лицо, его закрученный хвостик бился, как змейка в клетке.

– Уже не терпится! – Ее глаза обвели черный металлический руль, когда я усаживался рядом.

– Хочешь сесть за руль, мама? – игриво спросил я. Ее лицо озарилось, видимо, матушка вспомнила свой первый и последний раз за рулем грузовика деверя, когда она умудрилась перевернуть машину набок.

– Нет уж, спасибо, родной. Мне нравится быть пассажиром. Так проще наслаждаться видами.

Затем она снова будто отгородилась от меня, и я пообещал себе, что сделаю эту поездку как можно более увлекательной. Намерения эти тут же были погублены, потому что дядя раньше меня завел старый мотор своего грузовика и смог нас обогнать. Улицы утреннего Лондона были забиты машинами, поэтому каждый раз, когда у меня открывалась возможность обогнать Стэна, откуда ни возьмись появлялся автобус или торговая повозка. Пришлось тащиться за грузовиком на его скорости до самого Суррея. Я в очередной раз задался вопросом, а нужна ли мне такая мощная машина в условиях суетного города.

Мы ползли по Челси и Патни, потом, в районе Ричмонд-парка, город начал уступать природе, так что Стэн прибавил немного в скорости. Маму столь же сильно раздражала наша скорость, и я проклинал свои вышколенные манеры за невозможность просто просигналить

ему и заставить съехать на обочину. К счастью, я все же смог расслабиться. Мы не торопились, а мне, в принципе, стоило хорошенько все обдумать, прежде чем мы доберемся до Хёртвуда.

Я не специально растерял все связи со старыми друзьями, но с нашей последней встречи явно изменилось многое. По мере приближения к родной деревне я начал узнавать улицы и достопримечательности, которые сто раз видел ребенком. Сначала голова подкинула образы старых друзей, а затем вспомнился отец.

Я вдруг представил нашу первую семейную машину – тогда я едва мог сам залезть в салон. Я почти видел перед глазами радостное лицо папы, с которым он впервые мне ее презентовал, почти слышал его счастливый смех, с которым он катал меня по деревне.

Я вспомнил каждое Рождество и все дни рождения в старом доме, время бросало меня от одного воспоминания к другому, где папа уже был совсем другим. Он не просто старел, пока я сам из мальчика превращался в мужчину, он терял свой непоколебимый оптимизм.

Поездка быстро подходила к концу, и, когда мы почти подобрались к прямой дороге до Хёртвуда, я наконец обогнал дядю Стэна. Этот отрезок пути всегда казался мне каким-то потусторонним. В деревню можно было въехать только по односторонней дороге, которая проходила через весь Хёртвуд. Туда бы отлично вписался сказочный замок, окруженный терновым лесом.

Я быстро летел под пологом листьев, чувствуя, как рядом нервничает матушка. Сама бы она, наверное, ехала по этому отрезку дороги еще быстрее, но на пассажирском сиденье скорость ее пугала. Мне не надо было смотреть на нее, чтобы знать, что насколько ей не по себе. Когда мы подъехали к последнему слепому повороту перед Хёртвудом, я не выдержал и сбавил скорость до черепашьей. Я посмотрел в зеркало и увидел, что Стэн тоже подъехал к краю леса. Они с Эльз никогда не жили в Хёртвуде, но навещали нас достаточно часто и знали, как доехать до дома. Да и в такой маленькой деревушке просто невозможно потеряться. Мы выплыли из-под тени леса и покатали вдоль симпатичных домиков в центре деревни. Хёртвуд состоял из трех дорог, соединенных в центре пабом, одна из которых заканчивалась у самого леса церковью и двумя домиками. Поместье герцога Хёртвуда стояло на холме. Вот и все, что можно было сказать о деревне, в которой я родился.

Машину я остановил на перекрестке, напротив паба «Голова Герцога» – или «Голова папули», как всегда говорила Белла. Улицы были пустынные, и я, выходя из машины, решил, что эта встреча идеальна. Хотелось побыть наедине с собой недолго, прежде чем я окунусь в общение со старыми друзьями и в новое расследование.

Но когда я вообще получал чего хочу?

– Мариус, слава богу, ты приехал! – раздался чей-то голос, и из сада прямо в мои руки вбежала молодая женщина с золотисто-медовыми глазами и блестящими каштановыми волосами. – Я думала, что умру до твоего приезда!

Глава 4

Не знаю даже, что тогда поразило меня сильнее, возвращение к местам детства или объятия Люсинды Хитон.

Центр Хёртвуда был столь же прекрасен. Каждый второй дом хвастал соломенной крышей, все побелены, половина увита розами и плющом. Хотя в тот момент я едва ли мог обратить на эту красоту должное внимание.

Заглянув во всеми обожаемые глаза Люсинды, я на мгновение забыл, как дышать. За десять лет разлуки она стала совсем взрослой. Она была ровно на двенадцать месяцев младше меня, и, скажу честно, в школе я никогда не воспринимал ее всерьез. Но в восемнадцать год разницы в возрасте – это совсем не то же самое, что та же разница спустя десять лет.

Бог знает, сколько времени прошло, прежде чем я смог выдавить из себя ответ:

– Я приехал, как только услышал...

– А, добрались! – Из дома Люсинды широким шагом вышла Белла. У нее на лице читалось любопытство, она даже прикусила губу, рассматривая картину перед глазами.

– Я вот... – начал я. – Я тут помогаю...

Пока я бормотал, Люсинда положила голову на мою грудь и прижалась плотнее.

– Ты не представляешь, как я ценю, что ты приехал. Я тут с ума схожу! Честное слово!

Было бы грубо отпихивать от себя даму, но я увидел, что любопытство Беллы сменилось недовольством, и – на мое счастье – в тот момент, когда мои щеки уже стали цвета «Инвикты», на спектакль моего позора присоединились дядя и тетя.

– Меня зовут Стэн, – сказал первый. – Я дядя Мариуса, это моя жена Элеонор. – Голос у него был робкий, видимо, развернувшаяся сцена сбила его с толку. Стэн пожал плечами, и они с тетей медленно поехали дальше.

Мама замерла. Не каждый день ей приходилось видеть, как в мои объятия падает женщина, но, по-моему, ей все нравилось.

– Помогаете Люсинде? – спросила Белла, возвращая нас к неловкому разговору. Зря я надеялся, что мы про него забудем.

Я рассчитывал, что этот вопрос поубавит пыл атаки нежностью Люсинды, но снова – увы.

– Ну, «помогаю» – слово громкое. Но я приехал и сделаю все, что смогу, чтобы... – Я не смог придумать синоним к слову «помощь».

Белла устала прятать, насколько ее смешит мой румянец, и хлопнула в ладоши.

– Отлично! А мы только что поставили воду на чай, и Тилли с Джеймсом будут здесь с минуты на минуту. – Она развернулась, все еще улыбаясь от уха до уха, и пошла обратно по тропинке к дому Люсинды.

А эта молодая леди наконец нашла в себе силы отлипнуть от меня и теперь уже с обожающим заглядывала мне в глаза:

– Как же я смогу тебя отблагодарить?

Сложный вопрос. Для начала благодарить еще было не за что, и я ответил:

– Кто-то что-то говорил про чай?

Она разочарованно отвернулась. Мама по-прежнему сидела в машине, загипнотизированная происходящим.

– Наш дом в двух минутах ходьбы, – крикнул ей я. – Уверен, ты не заблудишься.

Перси не собирался лишать себя заботливого внимания группы незнакомцев, поэтому прыгнул с колен мамы и потопал за мной. Я, конечно, сказал «*спрыгнул*», но Перси у нас был далеко не спортсмен, так что правильнее было бы сказать «*рухнул*». Вот. Он рухнул в открытую дверь машины, умудрился приземлиться на все четыре лапы и, очевидно, довольный своим представлением, бойко пошлепал вперед.

– Мистер Куин, – из-за живой изгороди за домом Люсинды раздался голос, который я с легкостью узнал. – Я слышала, что ты возвращаешься, но, признаюсь честно, не верила.

Моя учительница миссис Эббот с последней нашей встречи стала еще более седой и круглой, но ее гордый, снисходительный тон я бы не спутал ни с чем.

– Рад, что смог вас удивить, мисс.

Она даже не подняла на меня глаз, продолжая щелкать свою изгородь крошечными секаторами. Когда я учился в школе, она вела себя точно так же. Отчитывая учеников, всегда смотрела куда-то в стену, будто смотреть на проказников было ниже ее достоинства.

– Позволь мне быть откровенной, – продолжила она. – Я вообще не думала, что осмелишься показаться дома. После... ну, сам знаешь.

Нет, я вообще не знал, о чем она, и даже немного был обижен столь низким обо мне мнением.

– Нет, мисс. Боюсь, сам я не знаю. Но одно я знаю точно: с нашей последней встречи я прошел войну, а вы так и жили в своем милом домике среди ухоженного сада. – Не ожидал, что выйду из себя, но когда меня понесло, то понесло. – Я несколько раз чуть не умер за эту страну и, знаете...

Она раздраженно закачала головой:

– Да-да. Уверена, что ты отлично постарался, аплодирую стоя. Но я говорила про твое образование, Мариус. Если я правильно помню, а я уверена, что помню все правильно, ты не получил диплом о школьном образовании.

Она всегда была с щепоточкой сумасшедшинки, но, видимо, за годы окончательно поехала.

– Все так, миссис Эббот. Я не смог закончить выпускной класс, потому что мне исполнилось восемнадцать и страна отправила меня во Францию. Искренне прошу прощения за свое отсутствие.

Ритмичное щелканье ее секаторов смолкло, миссис Эббот подняла на меня взгляд.

– Ну и?.. – наконец сказала она, видимо, так и не услышав от меня то, на что рассчитывала.

– Простите. Давайте выражусь яснее. Я без понятия, что вы хотите от меня услышать.

Она откинула голову чуть назад, сжала губы в идеальную трубочку высокомерного недовольства и наконец озвучила очевидную правду, которую я не уловил сам:

– Планируешь ли ты вернуться к обучению? Я знаю, что после войны ты какое-то время жил на континенте, но уже давно вернулся в Британию, пора начинать планировать. В моем классе есть еще место, если ты захочешь сдать экзамены в этом году.

На секунду я задумался, стоит ли сказать ей, что мой роман выиграл в номинации «Дебют» Премии детективных авторов Центрального Суррея в 1925 году. Еще ни разу я подобным образом не хвастался, но вот такая реакция просыпается во мне на подобные провокации. Даже захотелось рассказать ей про короткий, но похвальный отзыв на «Убийцу за кулисами»⁴ от «Лондон кроникл», или что роман почти купили для постановки в театре на Лестер-сквер. Я мог все это вывалить на нее, но легче мне бы не стало, поэтому я просто улыбнулся и сказал то, что она хотела услышать:

– Сказать по правде, такую возможность я пока не рассматривал. Обязательно все серьезно обдумаю и сообщу вам о своем решении.

Ее строгое выражение лица чуть смягчилось.

⁴ А *Killerin the Wings* – дебютный роман Мариуса называется так же, как и 11-я книга в другой детективной серии Бенедикта Брауна про лорда Эддингтона.

– Это чудесно, Мариус. Просто чудесно. И я так рада снова тебя увидеть спустя столько лет. – Снова раздалось «щелк-щелк», я уже готов был уйти, как она решила сообщить: – Еще ни один человек без полного образования не добился в этой жизни чего-то выдающегося.

Я словно превратился в школьника и ответил:

– Да, мисс, конечно, мисс. – В голове, разумеется, шагая к дому Люсинды, я перечислял примеры исключений из этого правила.

Майкл Фарадей, Марк Твен, Джон Рокфеллер, Мэри Эннинг, Иисус Христос. И список, без сомнения, можно продолжать бесконечно.

Меня потрясла не сама встреча с учительницей, а скорее обрушившееся прямо на голову напоминание о том, в каком странном месте я родился. Такие люди, как миссис Эббот, были сердцем Хёртвуда, а нам, относительно молодым, лишь предстояло найти здесь свой голос.

По меркам Хёртвуда дом Люсинды был огромным, но в сравнении с поместьем на холме – крошкой. Дому было всего пара десятилетий. Его построил богатый дядя Люсинды в подарок верному бульдогу-брату. Домик выглядел так, будто разросся больше своего максимального размера. У него была огромнейшая соломенная крыша и остроконечные мансардные окошки. Две трети передней стены покрывал желто-зеленый плющ, а под ним пряталась попытка украсить фасад колоннами в стиле Тюдоров и хрустальными окнами с витражами. Выглядел он и красиво, и гротескно одновременно. Все говорили, что Хитоны построили эту громадину посреди деревни, просто чтобы продемонстрировать собственное богатство.

– Что случилось? – спросила Белла, как только я зашел в красиво меблированную гостиную. Белла всегда чувствовала, когда со мной что-то не так. По этой причине у меня никогда не получалось иметь от нее секреты.

– Попался старой Эббот? – Люсинда казалась более спокойной. Она сидела в огромном кресле, а Перси устроился на ее коленках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.